

По уложенной брусчаткой мостовой проспекта Елисейских полей медленно иду в гуще прохожих. Иду в направлении к наполеоновской Триумфальной арке. Рассматриваю лица навстречу идущих: много чернокожих, жёлтокожих и много бледнолицых. Вот наши россияне. Также лет пятьдесят назад лёгкой походкой шла бледнолицая нимфа, покорившая сердца многих знаменитых мужчин, Галя, Галя, Галька — русская девушка Елена Дьяконова, ставшая женой и музой сначала французского поэта Поля Элюара, а потом художника Сальвадора Дали. Галя! Но почему не Елена, как в паспорте? Так звала её мать в России, делая ударение на первом слого.

Редким именем Гала называла её французская писательница Доменик Бона в вышедшей в 1994 г. на русском языке одноименной книге.

Чёрные глаза россиянки. Не в этом ли суть? Едва познакомившись с русской девушкой, семнадцатилетний поэт Поль

---

* Начало в «Сибирском парнасе» №1(2).

Элюар до того вдохновлён был её глазами, что нашёл в них «свет манящий», «отблески старого золота».

К этому «портрету» добавлю — где-то читал, что Галя-Елена обладала одним из самобытнейших характеров. Взгляд её узких, поглощающих глаз, движение волевого рта... Некая часть её сущности была в побеге, в ускользании от всего, что не нравилось ей.

Не думаю, что ошибусь, если скажу, что Дьяконовой Дали обязан своей известностью. Взяв на себя роль импресарио, она организовала в Париже три выставки работ своего мужа. По каким только улицам Парижа не дефилировала она, рекомендуя и разнося в папках рисунки Сальвадора. Она же убедила очень богатого коллекционера современной живописи французского князя создать здесь клуб «Зодиак». Двенадцать его членов по обязательству выплачивали Дали более или менее спокойную сумму для его творческой жизни. Взамен по жеребьёвке каждый выбирал из свежих его работ одну большую картину или маленькую плюс два рисунка.

Я не тороплюсь, продолжаю в потоке людей идти медленно. Так удобнее разглядывать лица. В разнообразии цвета кожи и формы лица подспудно выискиваю тех...кого давно уже нет. А увидеть хочется. Ну, хотя бы благородное лицо Ивана Тургенева, обрамлённое белой волнистой бородой. Почему Тургенев? Он у меня среди любимых писателей. Вот и выискиваю, а то, что он здесь дефилировал — то наверняка. К тому же порою с великой французской певицей Полиной Виардо... Не напрасно, значила она для него куда больше, чем её знаменитость. Ум её, тонкий вкус, завидная воля, как утверждают многие их знакомые, побуждали Тургенева к творчеству. Под Парижем в Буживале с Полиной протекали последние годы жизни писателя. Для России эти годы прошли не бесцельно. На общественных началах Тургенев был

культурным атташе России в Париже и культурным атташе Франции в Петербурге.

Ни один дипломат, по утверждению российского профессора Звигальского, не сделал и не мог сделать столько, сколько этот талант, чтобы наладить процесс взаимного познания и обогащения двух течений в европейской культуре.

К сожалению, при большом желании я не смог заглянуть в Буживаль — последнее дворянское гнездо Тургенева, которое ныне превращено в музей. Что ж — довольствуюсь променажем, иду и иду по самой роскошной улице Парижа — всё ближе и ближе Триумфальная арка. Вот если бы я жил в марте (28-го) 1920 года, то, определённо, в сухощавом человеке опознал первого российского Нобелевского лауреата Ивана Бунина. Тогда, как и сейчас (28.12.99), в городе на Сене ярко светило солнце, почти не затянутое облаками. Откуда такая уверенность? В марте и декабре обычно над Парижем погуливают облака, приносящиеся ветром с океана. Так вот, Бунин по этой же самой роскошной улице неторопливо шёл мимо множества русских, мимо лотков с удивительно душистым и вкусным хлебом, мимо витрин, кричащих сумасшедшим блеском ювелирных изделий. Россиянка, талантливая писательница Надежда Тэффи, уже получившая вид на жительство в Париже, чуть позже свидетельствовала: Бунин долго с платоническим интересом изучал содержание магазинов. Его интересовали шёлковые галстуки, хрустальные флаконы, мягкое нижнее бельё, модные костюмы и платья, десятки сортов колбас, розовые окорока от Феликса Потина и бриллиантовые ожерелья в зеркальных окнах господина Картье...

Бунин шёл не ради любопытства — в первый день приезда он направился в дом №77 по рю де — Гриннель, в русское посольство к Кандаурову и князю Кугушеву, за видом на жительство в Париже, хотя, собственно говоря, жить было

негде. Это уже чуть позже он спокойно бродил по главному проспекту, чаще по Марсовому полю, ещё чаще по Латинскому кварталу. Полюбил Монмартр и во всё крошечную рю Оффенбах, на которой в доме № 1 ему предстояло отдать Богу душу. Гостили у Бунина в этом доме Куприн, Алексей Толстой, Зинаида Гиппиус и Мережковский... В воспоминаниях о нобелевском лауреате эти господа утверждают, что он искренне полюбил Париж с его роскошными дворцами — Бурбонским и Луврским, с собором Нотр-Дам, Гранд-Оперой, Пантеоном, с построенным на пари миниатюрным дворцом «Багатель» в Булонском лесу, золотыми трюфелями на куполе Дома инвалидов, с Вандомской колонной, отлитой из трофейных пушек...

Час был ранний, когда я вышел из частной двухзвёздочной гостиницы, что красуется на коротенькой улице Клише, один конец которой соединяется с одноимённой площадью. На участке этого соединения — излюбленное место проституток — ни жриц любви, ни полицейских. На самом пяточке площади беззвучно, неугрожающе изредка скользят автомобили. Чтобы не попасть хотя бы под один из них, я сосредотачиваюсь на переходах площади и тут же чуть не заваливаюсь, наткнувшись на спящего бомжа. Грудью и лицом он лежит на металлической решётке вентиляционного отверстия. Оттуда, из отверстия, еле заметно белыми ватными облачками выходит тепло.

— Пардон, — скрипуче и глухо проскрипело лежащее тело, не удостоив меня взглядом. На скамейках столицы я уже видел спящих, накрывшихся газетами, а здесь — так вальяжно — поперек тротуара — однако.

Вниз к Гранд-Опере не пошёл. Предпочёл по утрянке Монмартр. Интриговала прежде всего история названия. Судите сами: гора Монмартр — она же называется горой Мучеников.

И это почти в центре Парижа. Название оправдывается. Здесь когда-то отрубили голову святому Дионисию (Сен-Дени), и он прошёл, якобы, шесть километров со своей отрубленной головой, пока сообразил, что ему её отрубили.

За полторы тысячи лет после казни святого Дени мученики на горе обжились, но грянула Великая революция, и вновь начали было на горе рубить головы. Однако не станешь же всякий раз подниматься на гору, и Революция стала рубить головы на площади Согласия.

Долго пустовала после этого гора, но потом на ней построили церковь Святое Сердце (Сакре-Кер). У входа поставили (до сих пор стоят) двух всадников с обнажёнными мечами (чем святее сердце, тем надёжнее нужно его защищать). У одного всадника меч направлен вверх, у другого вниз. При желании можно подумать: мы войны не хотим (меч вниз), но (меч вверх) постоять за себя готовы...

Вот ведь какая она, гора Мучеников, на которой давно не рубят головы. Этого ужаса не могли себе позволить осерчавшие на французов русские казаки, очень спешившие занять всю Францию, а потому запомнились парижанам тем, что постоянно поторапливали официантов: «Быстро, быстро!». От них-то и пошло «Бистро». Так что гора Мучеников страшно звучит только по-русски. По-французски — просто Монмартр. Ничего страшного.

Оставив слева в стороне площадь Пигаль, по рие Хоудон дошёл до площади Аббатис и резко свернул вправо туда, где на горе (верхняя точка города) Мучеников очень хорошо просматривается не только в византийско-римском стиле купол базилики Сакре-Кер (церковь Святое Сердце), но и многочисленные к ней ведущие ступени. Вот они — ступени — рукой подать, чуть в стороне от старой сельской площади Монмартра, где героически трудятся «потомки» Ренуара и

Пикассо. Несмотря на ранний час, некоторые из них уже, как говорится, настраивают скрипку: расставляют мольберты, стойки, на которые развешивают свои произведения. Именно отсюда каждый желающий может под мышкой «унести свою голову» на память о посещении этой горы.

Вторая голова мне без надобности, а потому от художников я «нырнул» вправо. Сделал несколько торопливых шагов, и вот она — огромная лестница. Местами на ней отсутствует бетон, а на его месте зеленеет травка или сплошными ковриками выстланы дорожки с смотрящимися в небо анютиными глазками. Цветы (!) — а через два дня Новый год. Вот такой климат в Париже.

Под ногами последняя ступень. Но ещё до неё, чуть раньше, я увидел на площади перед базиликой негров. Их много, и у них много товара (шляпки, кожаные сумочки, перчатки, поделки из Африки...), а покупателей — я да ещё несколько любопытных. Скорее мимо негров к двум каменным воинам с мечами, охраняющим вход в базилику. Вот уже я с ними рядом, однако не вошёл — обернулся к входу спиной и... вот оно — чудо! Нежный золотистый свет утреннего солнца фантастическими мазками окрашивает здания, дома, сооружения двухмиллионного города на Сене — будто проявляется огромная цветная фотография. Любуюсь, восхищаюсь, фотографирую и вновь восхищаюсь, рассматривая панораму. В таком состоянии стою полчаса или может дольше (время я не чувствовал — оно просто остановилось). Да, а тут ещё еле уловимо поплыли аккорды настоящего французского аккордеона. Кто-то чуть ниже от базилики исполнял до боли знакомую мелодию французской песни — мне расхотелось идти в базилику. Вдоволь насмотревшись на Париж с самой его высокой точки, я обошёл Сакре-Кер и примкнувшие к нему церкви и музеи Монмартра — оказался на северной

стороне холма (может, это был другой холм — неглавный). Вскоре наткнулся на то, что мысленно видел (когда ещё летел в самолёте) после прочтения сообщения о французских учёных Ж. Кювье и А. Броньяре. И вот теперь это обнаруженное мной То оказалось раскопками, сделанными именно этими двумя учеными. Здесь, на северной стороне холма, они обнаружили кости вымершего животного мастодоната...

Солнце не по-зимнему своим теплом утоляет меня, идущего. Оно растапливает мысли, мешая сосредоточиться на вкладах в науку этих двух учёных. Хорошо бы присесть в маленькой кафешке и пропустить парочку стаканчиков холоденького винца. Размечтался, но ноги, между тем, сами переступать стали быстрее. И вот они меня вынесли к кафешке без названия. Дверь толкнул внутрь — небольшое помещение. Пьют, конечно (не рановато ли? — подумал я о мужчинах, сидящих за столиками. На часах-то всего девять). Сам заказал двойную порцию. Выпил залпом — хорошо! Внутри запело, за плечи нежно обняла прохлада, и пуфик стал вроде мягче — удобно-то как! Пожалуй, здесь досижу остаток жизни...смогли же себе позволить гиппиусы, зайцевы, бунины...ивановы...и другие россияне, чьи имена на родине произносят с гордостью и большим уважением к ним. Например, «Бу-у-у-нин!» Однако, при всём уважении к ним, не пойду к вам, господа, на погост в Сент-Женевьев-де-Буа... В этом невзрачном кафе честь имею кланяться лежащим там: Виктору Некрасову, поэтам Георгию Иванову и Александру Галичу, художникам Коровину, Сомову, Серебряковой...кинорежиссеру Тарковскому... Памятую!

— Извольте вновь повторить, гарсон! — Он приносит опять двойную — становится ещё лучше.

Нет, не пойду на русское кладбище. Не пойду...в голове чуть шумит, но вдруг возникать стали строфы Бальмонта.

Шевелю губами, восстанавливая стих, и ощущаю жгучее желание отправиться на поиск более чем скромного отеля на площади Данферрл-Шеро, где жил и работал российский поэт. Но тут внимательный гарсон вновь принёс, улыбаясь наиприятнейшим образом, — выпил, и тут в мою голову полезли имена некогда блуждавших здесь по улицам Парижа. Имена именами, но я вижу в профиль и в анфас Гоголя, Чехова, Вяземского, Герцена, Шаляпина, Шмелёва, Белого, Брюсова, Блока, Бабеля, Эренбурга... Имена-то какие! Глыбы!! А что сегодня? Живут в Париже: Василий Аксёнов (под Парижем), Ростропович, Ольга Кулагина — одна из лучших певиц-«народниц», принцесса Мещерякова — владелица русского Дома в Сан-Женевьев-де-Буа (в Доме находится трон государя-императора из последнего русского посольства, его икона и сокровища, которые бы сделали честь соборам Кремля), ... Анатолий Гладилин.

— Кто это? — задаются вопросом девять человек из десяти.

Считается, современный классик и основоположник «молодёжной прозы» 60-х годов. Более четверти века живёт в Париже.

— А что написал классик?

Я тоже не знаю, но добросовестно искал в книжном магазине в Латинском квартале его последнюю книгу «Преступники, добро пожаловать во Францию!» Не нашёл. Не расстроился, и это понятно почему. В Латинском квартале в Доме книги я был несколько позже, а пока в прохладной уютной кафешке с большим удовольствием наслаждался отличным французским винцом — стаканчик за стаканчиком. Монотонность разноязычных голосов, пары вина, образы почитаемых мной талантливых интеллигентов, живших некогда в Париже, назойливо роились, гудели, обволакиваясь запахами вина, сига-

ретного дыма и солёной рыбы. Вперемешку с безостановочно всплывающими в памяти строфами Бальмонта я пытался дискутировать с теми, что спрашивали меня «Кто эти?», имея в виду ныне здравствующих в Париже российских «классиков». Увы... А строфы и стихи Бальмонта — волнуют и волнуют... Ах, Бальмонт, Бальмонт! Я вижу твой благородный череп, который, по свидетельству Волошина, «от напряжения вздыбился узлистыми шишками, с глубоким шрамом — каиновой печатью, отметившим его гневный лоб, с резким лицом, которое всё — устремление и страсть, на котором его зелёные глаза кажутся тёмными, как дырки, среди тёмных бровей и ресниц, с его нервной и жёсткой челюстью Иоанна Грозного, заострённой в тонкую рыжую бородёнку».

В этот день я долго искал более чем скромный отель, в котором жил Бальмонт. Не нашёл площадь Донферро-Шеро и улицу Башни (Passu, 60, Rue de la Tour) тоже не нашёл. Зато глаза мои обнаружили: дом № 12 Гоголя на площади Биржи. В этом доме писатель жил и писал бессмертные «Мёртвые души». Сейчас в нём — банк, а напротив ничем непримечательное здание биржи. Оно построено на месте женского монастыря, после чего в него вообще перестали пускать женщин; Дом Бальзака на улице Ренуара. Не художника, а писателя. Почему-то из этих двух писателей для названия выбрали не Бальзака, а Ренуара. Видимо, потому что Ренуар был членом Французской академии, а Оноре нет. Дом его утопает в зелени. Спускаюсь к нему вниз по многочисленным ступенькам. Служитель музея не то японец, не то китаец. В кабинете писателя большое кресло и маленький стол. Трудно представить, что именно на нём создана большая литература, что при такой скудной неинтересной жизни можно создать огромную и захватывающую литературную жизнь. А всё это потому, что Оноре почти не жил, в сущности он только писал.

В садике возле дома-музея скульптура писателя и перед ней поставлен стул — садись, фотографируйся рядом с великим. Спокойная скульптура. В Париже я видел ещё две. Обе не спокойные: одна на Сен-Мишеле чуть зеленоватая то ли от времени, то ли от выпитого вина (творение Родена), толстого, как и оригинал. Другая скульптура Бальзака у Дома Инвалидов.

От первого Бальзака, что жил в доме по улице Ренуара, потащился по улице Пасси. На ней когда-то жили русские эмигранты. Это они обычно говорили: «У нас в Пасях». Что и говорить, жили, как дети, играли во Франции в Россию.

Беготня по Парижу в течение нескольких почти бессонных суток прилично вымотала, не позволив увидеть многого, чего хотелось. Я даже не нашёл времени приехать к тем, кто остался навсегда на русском кладбище. Что уж говорить о посещении французского кладбища на Пер-Лашез? Когда летел в Париж, планировал постоять у могилы Мольера, Лафонтена... сунуть любопытный нос на кладбище Монмартра, где покоятся Стендаль, братья Гонкур, Золя и Гейне, Берлиоз...

Увы — время жестоко, неумолимо в быстротечности, сокращает и подавляет желание увидеть, узнать. Потому-то и приходится чем-то жертвовать.

Чтобы о русских в Париже узнать чуточку больше того, что уже удалось, я выкроил время — очень внимательно в номере прочёл путеводитель. Во-первых, обнаружил неожиданно много русских названий. Инициатором некоторых был Наполеон III. Так, имя российской столицы он запечатлел, отмечая 55-ю годовщину вторжения своего дядюшки в горящую Москву 1812 г. Тихая рю де Моску, что поблизости от вокзала Сен-Лазар, появилась в 1867 г. На этой улице — магазин женского белья «Калинка».

Читаем вместе (в путеводителе): «В память о Крымской войне — Крымская улица (рю Крима). На ней находится

русское Сергеевское подворье, церковь Сергия Радонежского и Православный Богославский институт.

Есть площадь Альма. Она названа в честь крымской реки, берущей своё начало у Бахчисарая. В сентябре 1854 г. французская армия, оснащённая более современными дальнобойными ружьями, нанесла там поражение князю Меншикову. Бездарный генерал отступил к Бахчисарая, оставив Севастополь. И этот город тоже получи «прописку» в Париже (бульвар Севастополь).

...В 1891 г. Александр III встречал французскую эскадру в Кронштадте. По этому случаю в Париже появилась рю Кронштадт, а в 1900-ом открылся самый красивый на Сене мост Александра III...

Площадь Шатле, откуда берёт начало бульвар Севастополь, украшают колонна Победы и здания театров Сары Бернар и Шатле. Во втором пел Шаляпин, танцевали Павлова и Карсавина, ставил спектакли Дягилев.

Читаем путеводитель дальше: «...На бульваре Сюше есть сквер Льва Толстого, где установлен бюст писателя, а мемориальная табличка на рю Риволи напоминает, что здесь жил Лев Толстой...»

От себя ещё добавлю — заходил в русский магазин, где самая большая видеотека русских фильмов. Представьте: в центре Парижа русский герб на фасаде магазина — недалеко от площади Республики! И ещё представьте: среди французских сооружений, домов по улице Дарлю — небольшую русскую церковь (любимый храм русских эмигрантов — церковь Александра Невского). В ней, неброской, но уютно пропахшей хвоей и ладаном, сочетались браком Пабло Пикассо и русская танцовщица Ольга Хохлова. В ней же отпевали Шаляпина, Кандинского, Ивана Бунина, Андрея Тарковского...

Дай-то Бог нам в России не забыть имена россиян, которыми до сих пор гордятся парижане.